

«Бог дал мне именно то, о чем я всю жизнь его просил. Он сделал меня рядовым литератором. Став им, я убедился, что претендую на большее. Но было поздно. У Бога добавки не просят».

Сергей Довлатов

«Редкое свойство русского писателя оказаться старше, чем ты рожден».

Андрей Битов

«на улице меняющей названья
легко и сообразно освещенью
он пережил науку выживанья
дойдя туда откуда нет прощенья».

Виктор Кривулин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историю, как родителей и родину, не выбирают. Свою собственную в том числе. Она такая, как есть, и все попытки ее переписать оказываются занятием бессмысленным и бесполезным. Другое дело, что уже после того, как это приключение, именуемое жизнью, заканчивается, начинается другая история, во многом альтернативная, к которой, впрочем, сам виновник события уже не имеет никакого отношения.

Как остроумно заметил питерский прозаик Валерий Попов, «это уже после смерти Сережа так чудовищно зазнался». Вот уж воистину, кто бы мог подумать, что долгий и мучительный поход Довлатова за литературным признанием, читай, славой завершится его смертью в возрасте 48 лет, после которой и признание, и слава, и тиражи будут оглушительными, просто сам Сережа ничего этого уже не увидел и не увидит.

Едва ли мечтал о таком развитии сюжета, но сложилось именно так...

«У нас любить умеют только мертвых», — сказал в свое время Битов.

И действительно, Довлатова полюбили взхлеб все, а история его жизни, та самая, которую не выбирают, оказалась затерянной среди бесконечных баек, анекдотов и мифов, связанных с его именем.

Не печатали, пил, любил женщин, снова пил, уехал в Америку, стали публиковать, умер, выходя из запоя. На

этом, как правило, большинство воспоминаний, они же монографии о Довлатове, заканчиваются. Тема видится исчерпанной в свете разрозненных (по большей части комических) фрагментов, за которыми Серезу-то и не разглядеть. Остается только читать его тексты, но и они не являются автобиографическим источником, потому что это литература, взгляд на себя и на окружающих его людей Довлатова-прозаика.

Но ведь был и другой Довлатов, о котором нам, увы, мало что известно, а стены на Рубинштейна и квартиры на Форест-Хиллс в Нью-Йорке, узкие улочки Таллина и поля окрест сельца Михайловское молчат.

Не потому, что что-то скрывают, а потому, что не умеют говорить.

Эта книга является опытом прочтения биографии Сергея Донатовича, реального и вымышленного, писателя и его двойника. Тем самым опытом, о котором сказано, что он есть «сын ошибок трудных».

Что же касается до «работы над ошибками» (без нее никуда!), то это, как мыслится, уже дело читателей и критиков.

ДВОЙНИК

А войника привели в помывочную, раздели и велели залезть в покрытую желтыми разводами ванну-кювету, которая едва доходила ему щиколоток.

Голый человек закашлялся при этом, забился в судорогах, а когда его отпустило, то сел на корточки, обхватив себя за колени, и так замер в ожидании кипятка.

Санитар ушел в бойлерную давать воду.

Из приемного отделения сообщили, что этого пациента, уже имевшего одну судимость, привезли сюда из Обуховской колонии строгого режима, где он отбывал наказание за угон грузовика, на котором задавил человека. Расконвоировали его, впрочем, довольно быстро, потому что он был болен, и явно, что долго не протянет.

Человек затравленно оглядывался по сторонам.

На его синие острые колени было жутко смотреть, и казалось, что руки, покрытые порезами, шрамами и тауировками, выглядели длинней, чем эти ноги, которые они обхватили.

Наконец выкрашенные зеленой краской трубы заурчали, и из самодельной лейки душа полилась вода.

Пар начал постепенно заполнять помывочную.

Двойник поднялся, уперся обеими руками в кафельную стену, как при досмотре, и так замер, будто поддерживал эту самую стену или сам держался за нее, чтобы не упасть. Было видно, что он дрожит. Затем, словно очнувшись, сложил руки по швам и, видимо, по лагерной привычке выполнил команду «кругом».

Только теперь стало понятно, что этот человек как две капли воды похож на другого человека — одного ленинградского писателя, о котором много говорили в это время, которого не печатали, но о котором все знали.

А ведь когда-то до своей тюремной жизни двойник был совсем другим — стройным, черноволосым, мощного телосложения, боксер как-никак в прошлом, а еще он обладал той обворожительной улыбкой, при виде которой женщины умирали сразу, без мучений и страха, раз и навсегда, лишь повторяя перед своей безвременной кончиной, словно мантру, слова: «Милый, милый, Боренька».

Почему-то всякий раз в минуты расставания со своей очередной пассией, а также в иные минуты, когда задыхался от слез, обиды, бешенства и хотелось наложить на себя руки, Боренька вспоминал, как однажды в школе, в десятом классе, накануне Дня физкультурника, это было как раз за неделю до выпускных экзаменов, он взял да и помочился на директора школы по фамилии Чеботарев, более известного под кличкой Легавый.

То есть в минуты принятия сакраментальных решений и вспоминал, получается.

«Как это — помочился?» — всякий раз спрашивал сам себя, обуреваемый любопытством. При этом следует заметить, что тоска по утраченным чувствам и женщинам, а также отчаяние, приносимое одиночеством, как-то проходили сами собой.

«Да очень просто! Дождался, когда Легавый подошел к двери, чтобы войти в школу, быстро вскочил на подоконник, открыл окно, благо оно располагалось прямо над парадным входом, расстегнул ширинку и помочился на

Чеботарева, — отвечал сам себе мысленно, разумеется, посмеивался и продолжал повествование, — Ты что, забыл, что ли, как Легавый сначала не понял, что происходит. Он подумал, что это дождь начинается, ведь тогда был пасмурный день, даже остановился, застигнутый врасплох. Видимо, пожалел, что не взял с собой зонт. Но меня выдали мои одноклассники, вернее, их смех выдал, не сдержались поганцы, особенно девчонки, прыснули и тут же стали зажимать рты ладонями. А Чеботарев тогда поднял лицо вверх и понял, что это вовсе не дождь никакой. Он сорвал с головы свою зеленую фетровую шляпу и заорал:

— Да я таких, как ты, бушлатом по зоне гонял! Ты у меня, сучара бацильная, дерьмо будешь хавать! Ты у меня, падла, на зоне сгниешь!»

«А у него точно была зеленая шляпа?»

«Абсолютно точно! Никаких сомнений тут быть не может. Он еще бросил ее на землю и принялся топтать в ярости, и я подумал — неужели ему не жалко свою шляпу, ведь она такая красивая и, видимо, дорогая».

«Ну и зачем ты это сделал? Скажи».

«Странный вопрос. Ты ведь знаешь на него ответ. Это возникло само собой, это было как вдохновение, это пришло как поэтическая рифма. Ведь ты не спрашиваешь у поэтов, откуда у них берутся рифмы!»

«Да, не спрашиваю, потому что ты не поэт, а это не рифма».

«Согласен с тобой, это был глоток свободы, своего рода озарение, которое возникло, как вспышка. А потом она погасла, и я совершенно потерял ко всему происходящему интерес. То есть полностью утратил его. Словно

бы это меня уже и не касалось. Застегнул штаны, закрыл окно и слез с подоконника».

На этих словах санитар перекрыл воду.

Затем вернулся в помывочную, бросил голому человеку простыню, в которую тот сразу же завернулся, для себя же он сделал стакан крепчайшего краснодарского чая с лимоном, сел к столу и, отхлебывая густое дымящееся пойло, стал что-то записывать в большую, взлохмаченную по краям, как давно нестиранное белье, амбарную книгу.

Простыня тем временем облепила мокрое тело двойника.

Лимон всплыл на поверхность, но санитар терпеливо утопил его чайной ложкой, на которой был выгравирован земной шар, а над ним восходила пятиконечная звезда и летел голубь мира.

Потом пациента облачили в пижаму, заставили открыть рот, проверили состояние зубов и языка, не обложен ли, и повели в кабинет главврача, где уже собрались заведующая терапевтическим отделением Сторожева, хирург Бойко, психиатр Шумский, больничный завхоз Куценко и два особиста в штатском, один из которых напоминал французского философа-марксиста Жан-Поля Сартра.

Путь на консилиум в кабинет главврача оказался неблизким – для этого пришлось миновать два корпуса, соединенных наглухо забитыми досками коробами-переходами, пройти ряд галерей старинного образца, ведь это была больница еще дореволюционной постройки, взойти по широкой мраморной лестнице с чугунными перилами.

Тут, кстати, двойник попросил у сопровождавшего его конвоира разрешения остановиться рядом с обрезком

трубы, прикрученной рядом к лестничному маршу в качестве турника, и подтянуться на нем.

Таковое разрешение он получил и подтянулся семь раз.

Спрыгнул.

Сделал несколько дыхательных упражнений.

Почувствовал, что еще сохранил остатки былых сил, когда мог на турнике делать подъем переворотом, а также выходы силой.

Потом, наконец, поднялись на третий этаж, где кабинет главврача и располагался.

Первым заговорил сартроподобный особист:

— Нам стало известно, что ваш брат — Сергей Донатович Довлатов — принял решение покинуть СССР и переехать на постоянное место жительства в США. Как вы можете это прокомментировать?

— Никак.

— То есть вам ничего об этом не известно? — деланно скривился вопрошающий и, прикрыв ладонью рот, икнул.

— Нет, ничего.

— А вам известно, что жена Сергея Донатовича — Елена Давидовна Ритман — вместе с дочерью Екатериной планирует в ближайшее время выехать в США?

— Да, я слышал об этом.

— Скажите, Борис, а у вас никогда не возникало желания эмигрировать?

— Честно говоря, никогда об этом как-то не задумывался.

— Неужели? Вы же еврей.

— Да не еврей я.

— Ну как это — не еврей... Вы себя в зеркале видели?

— Конечно. Довольно часто наблюдаю себя, когда бреюсь, например.

— Шутить изволите?

— Нисколько. У меня просто мать армянка.

— Очень интересно. А отец?

— А отец русский.

— Ах, русский! С такой самой распространенной русской фамилией Аптекман и славянским именем Арон?

— Да.

Службист побагровел:

— Вы, Борис Аронович, или Александрович, вообще понимаете, где находитесь?

— Конечно. В больнице нахожусь.

— А с кем разговариваете?

— Не очень, если честно. Кстати, вам никогда не говорили, что вы очень похожи на французского писателя Жан-Поля Сартра.

— Прекратите мне хамить, Довлатов.

— А что ж в этом плохого? Он, между прочим, был марксистом.

— Нет, вы не понимаете, почему вас сюда привезли и почему вытащили из той дыры, где вы гнили последние годы!

— Вот это мне действительно невдомёк.

— Оно и видно! — почти выкрикнул особист, пристукнув кулаком по столу, затем окинул из-под запотевших от возбуждения очков консилиум торжествующим взглядом и принялся что-то записывать в толстый, явно давно используемый по назначению блокнот.

Теперь в разговор включился его коллега, чья внешность ничем не отличалась от сотен или даже тысяч себе подобных, и потому говорить в данном случае о каких-либо сравнениях, подобию и аналогиях применительно к этому персонажу не приходилось.

— Борис, мы знаем, что вы человек яркий, талантливый, неординарный, — сразу стало ясно, что это заговорил «добрый следователь», — отличник, комсомолец — общественник, чего, кстати, нельзя сказать о вашем брате. Да, оступись в свое время, да, пошел по кривой дорожке, просто жизнь так повернулась, с кем не бывает. Однако встал на путь исправления, и мы хотим протянуть вам руку.

— В каком смысле?

— Да в прямом, руку помощи, — «добрый следователь» заулыбался и со значением посмотрел на собравшихся, что сразу же закивали ему в ответ. Жан-Поль Сартр при этом продолжал что-то сосредоточенно записывать в свой блокнот.

— Мы хотим исправить возникшую относительно вас и вашего брата несправедливость и в качестве писателя отправить в Америку именно вас. Действительно, ну почему туда должен ехать ваш брат Сергей — пьяница, дебошир, тунядец, человек политически неустойчивый? Да и ехать он туда не хочет, как нам известно. А вы человек зрелый, серьезный, и самое главное — мы доверяем вам.

— Благодарю, конечно, за доверие, но я же не писатель!

— Ну так станете им, дорогой Борис. Слава богу, в России с этим никогда проблем не было. Оказаться в ря-

ду литераторов, которые работают с нами, — это очень почетно, замечу вам.

— Тем более, — неожиданно включился в разговор «злой следователь», похожий на французского философа-марксиста, — вашего брата никто в Америке не знает в лицо, а вы с ним похожи друг на друга как две капли воды, да и вообще для них, для империалистов, что русские, что евреи, что армяне — все на одно лицо!

— То есть вы мне предлагаете стать двойником Сережи?

— Ну можно и так сказать, — «добрый следователь» встал из-за стола и подошел к окну, — а вот собравшиеся здесь коллеги подлечат вас, вернут к жизни, так сказать, и писатель Довлатов поедет покорять Новый Свет, правдиво рассказывать о достижениях советского человека. И еще один момент. Разумеется, Борис, все это между нами. Лишние уши, как говорится, — это лишние проблемы, которые никому из нас не нужны.

— А что будет с Сергеем?

— Ничего. Будет жить в Ленинграде, как и жил, или... где он там сейчас?

— К Луге подъезжает, Николай Николаевич, — не отрываясь от блокнота, откликнулся сартрообразный...

Сергей проснулся от того, что больно ударился лбом о поручень переднего сиденья автобуса, когда шофер крутанул руль, съезжая с трассы на привокзальную площадь, и тут же резко дал по тормозам.

Горчичного цвета здание с колоннами дернулось и замерло, угрожающе нависнув над запыленным окном ЛАЗа.

Значит, вся эта история с помывочной в больнице, двойником и Борисом ему приснилась?

Получается, что так, впрочем, какое-то смутное ощущение, что он уже видел нечто подобное, проскочило.

Как вспышка.

Ладно, пустое...

С одной стороны, конечно, можно было выдохнуть с облегчением, но, с другой, был раздосадован совершенно, ведь так и не узнал — согласился ли его брат на предложение особистов стать его двойником, пусть все это и происходило во сне, но где-то в глубине подсознания вопрос так и остался без ответа, в подвешенном состоянии, если угодно, и отвечать на него можно было исключительно по своему усмотрению.

«Конечно, согласился! Было бы глупо отказываться!»

«Разумеется, не согласился! Как такое вообще могло прийти в голову!»

«Что за бредовый сон!»

Часы на здании вокзала показывали полдень.

Из повести Сергея Довлатова «Заповедник»:

«В двенадцать подъехали к Луге. Остановились на вокзальной площади... Вокзал... Грязноватое желтое здание с колоннами, часы, обесцвеченные солнцем дрожащие неоновые буквы... Я пересек вестибюль с газетным киоском и массивными цементными урнами. Интуитивно выявил буфет... сел у двери. Через минуту появился официант с громадными войлочными бакенбардами.

— Что вам угодно?

— Мне угодно, — говорю, — чтобы все были доброжелательны, скромны и любезны.